

2 ЦАРСТВ

Урок 25, главы 15 и 16.

Сегодня мы продолжим наше прохождение 15-й главы 2-й книги Царств. Оно проходит так медленно, потому что глава очень насыщена фундаментальными концепциями и образцами, которые жизненно важны для понимания того, кто мы есть во Христе. Мы, конечно, не будем так же подробно разбирать остальную часть книги, но характер этой конкретной главы вынуждает меня уделить необходимое время извлечению глубоких уроков, заложенных в этих текстах.

Пассивный и потакающий своим желаниям Давид, ставший закоренелым и склонным к необдуманным поступкам, теперь был вынужден действовать из-за внезапного восстания в Израильском царстве, которое возглавил его сын Авессалом. Эта встряска, по-видимому, вновь пробудила в нём чувство смирения и раскаяния, которое отражало его гораздо более раннее «я», действовавшее более праведным образом. Поэтому, несмотря на то, что в глубине души он всё ещё был великим воином и вполне способен собрать значительную силу верных сторонников, чтобы противостоять повстанцам, Давид выбрал другой курс. Он решил поставить своих людей выше себя.

Когда он услышал, что Авессалом покорил сердца и умы значительной части общества по всему Израилю (людей из каждого колена, включая даже его собственное), Давид понял, что, если он останется в своей столице **Йерушала́име** (а точнее, в царском анклав «Город Давида»), его ждали бы большие разрушения и, если бы на него напали, результатом была бы смерть невинных.

Без сомнения, Давид задавался вопросом: если так много его людей с готовностью приняли Авессалома, как царя, возможно ли, что Давид больше не достоин трона. В конце концов, такое восстание было обещано пророком Нафаном, когда Господь наказал Давида за его прелюбодеяние с Вирсавией и убийство её мужа Урии. Давид знал, что происходящее было Божьей волей и частью справедливого наказания, причитающегося ему, поэтому он решил, что не будет бороться с этим.

Давайте перечитаем последнюю половину 15-й главы 2-й книги Царств, чтобы сориентироваться в теме сегодняшнего урока.

ПЕРЕЧИТАЙТЕ до конца 15-ю ГЛАВУ 2-й КНИГИ ЦАРСТВ с 17 стиха.

Царь и его последователи бежали на восток, вниз и через долину Кедрон, которая отделяла Иерусалим от Елеонской горы, а затем вверх и через Елеонскую гору и на восток, к пустыне. Группу из 600 его верных личных телохранителей возглавлял иностранец (вероятно, бывший филистимлянин)

по имени Еффей, и когда они проходили перед Давидом, он отвёл Еффее в сторону и предложил ему вернуться и не жить в неопределённости, привязавшись к свергнутому царю. В стихах 19 и 20 Давид говорит Еффее, что он не обязан придерживаться Давида (поскольку он не еврей) и что он, по сути, волен расторгнуть завет верности с Давидом и вместо этого служить грядущему анти-царю Авессалому. Давид также напоминает Еффее, что тот лишь относительно недавно пришёл в Израиль.

В большинстве наших Библий говорится, что Еффей пришёл «только вчера», но это слишком жёсткая интерпретация еврейского слова **тмоль**, которое означает «вчера» только в смысле «не очень давно». Мы также видим, что Давид называет Еффее **нóкри** и **голé**: чужеземным пришельцем и изгнанником. Это значит, что Еффей не стал гражданином Израиля, он предпочёл остаться в своей иностранной идентичности, а не стать официальным евреем. Но как филистимлянин, уйдя от Давида, он стал бы врагом своего прежнего правительства и изгнанником для своей собственной родины. Еффей оказался в странной ситуации: он не хотел отказываться от того, чтобы быть язычником, и всё же он решил присягнуть помазанному Богом царю, еврею. Интересно, что Давид был удовлетворён лояльностью этого язычника и не требовал, чтобы Еффей стал евреем, чтобы служить ему.

Давид говорит Еффее, что он не может обещать никакого известного или прибыльного земного будущего Еффее и его сородичам, если они последуют за Давидом в пустыню, поэтому он даёт Еффее разрешение вернуться и служить Авессалому и делать это с благословения Давида. В большинстве наших библейских версий Давид говорит Еффее: «**милость и истину [с тобою]**» или «да пребудут с тобой благодать и истина». На иврите сказано: «Пусть **хэсэд** и **эмёт**» идут с тобой. Это не снисходительное или просто вежливое благословение Давида Еффее. **Хэсэд** - это слово, в котором заложен глубокий духовный смысл, такой же, как в еврейском слове **шалóm**. **Хэсэд** и **шалом** - это слова, которые описывают состояние бытия и взаимоотношений, которые могут исходить только из божественного источника. **Хэсэд** такое понятие, для правильного понимания которого необходимо определение. Это понятие содержит в себе множество атрибутов, среди которых есть и «милость». Слово «милость» обычно используется для перевода слова «хесэд», как и слова «доброта» или «милосердие», и, хотя слова не являются неправильными, они не передают нам всю глубину и широту понятия «хесэд».

Знание еврейского понятия **хесэд** важно для нас на нескольких уровнях, главным образом потому, что полное непонимание или незнание **хесэд** привело к искажённому богословию, которое утверждает, что благодать - это новозаветный аспект Бога, которого не существовало до пришествия **Йешуа**. И эта благодать как новая основа отношений между Богом и человечеством

делает прежние отношения ветхозаветного «закона» между Богом и человечеством ошибочными, неуместными и устаревшими для верующего.

Поэтому, хотя мы обсуждали это раньше, я хочу воспользоваться несколькими моментами, чтобы сделать отступление и, возможно, добавить ещё немного информации к увлекательной теме **хесэд**, потому что она оказывает большое влияние на отношения между Богом и человеком во все эпохи. Как я уже сказал, это слово трудно перевести, потому что это скорее концепция, чем слово, и как таковое оно имеет целый ряд значений, которые необходимо сложить вместе, чтобы попытаться дать ему определение.

Позвольте мне проиллюстрировать вам этот вопрос. Если мы опишем наш типичный способ езды на работу, то могли бы сказать, что мы едем на работу в автомобиле. Но что такое автомобиль? Автомобиль - это устройство, состоящее из множества идентифицируемых компонентов, у него есть двигатель, у него 4 колеса, у него есть сиденья, на которых можно сидеть, крыша, защищающая от непогоды, коробка передач и многое другое. В совокупности эти компоненты образуют автомобиль. Теперь, если я скажу вам, что добираюсь до работы, управляя двигателем, я буду не совсем неправ, потому что у всех автомобилей есть двигатели. Но двигатель, каким бы важным он ни был (это ключевой компонент), является всего лишь одним из нескольких компонентов, которые при сборке в единое целое создают автомобиль. Таким образом, высказывание «Я езжу на работу на машине» даёт гораздо более полную и полезную мысленную картину для понимания, какое используется транспортное средство, чем высказывание «Я езжу на работу на двигателе».

Та же история и с концепцией **хесэд**. В общую концепцию **хесэд** включены такие компоненты, как верность, доброта, любовь, преданность, милосердие, правдивость и благодать. Каждый из этих компонентов немного отличается, но все они (плюс ещё несколько) вместе взятые образуют понятие **хесэд**. **Хесэд** настолько фундаментальное понятие в Божьей идее взаимоотношений, что выходит за рамки просто обычных отношений и может рассматриваться как, возможно, главная и главенствующая добродетель в древнем Израиле в любом смысле. Поэтому в книге Руфь мы читаем, что Руфь проявляет большую привязанность к своей свекрови Ноемини, хотя, строго говоря, между ними нет завета. И в то же время концепция **хесэд** определяет правильное отношение и поведение партнёров в семейных отношениях друг к другу.

Завет Моисея между **Яхве** и Израилем сам по себе является актом **хесэд** Бога Израиля по отношению к Своему народу. Выполнение Иеговой Своих обещаний Израилю и царю Давиду, даже несмотря на то, что они часто нарушали эти заветы, также было актом **хесэд**. Но Божий **хесэд** всегда предполагает взаимность, поэтому Израиль должен реагировать, сохраняя

хесэд по отношению к заветам и по отношению к Богу. Таким образом, в простом смысле **хесэд** можно рассматривать как «милость» (со всеми её необходимыми компонентами) со стороны Иеговы по отношению к Своему народу Израиля, а также и со стороны Израиля по отношению к своему Богу, с Которым они заключили завет и, следовательно, взяли на себя определённые обязательства.

Как в русском, так и в греческом языке нет единого слова или прямого эквивалента понятия «**хэсэд**». И, поскольку самые древние рукописи Нового Завета, которые у нас есть, написаны на греческом языке и только затем переведены на русский, сложная концепция **хесэд**, как правило, сводится переводчиками только к одному атрибуту - «милости». Не думайте, что я говорю, что милость - это плохой перевод или что он неправильный, но он слишком узок и не полон, чтобы дать нам полное значение, необходимое для понимания божественного действия.

У церкви есть раздражающая тенденция сводить многие огромные и сложные библейские концепции к чрезмерно упрощённым доктринам, часто состоящим из одного слова, и это лишает нас важной информации и может направить нас по ложному пути. Даже Сам Бог в последнее время был сведён во многих деноминациях (которые стремятся сделать Его более привлекательным для потенциальных верующих) лишь к одному атрибуту: любви. Да, конечно, Бог есть любовь, но это ещё не всё, чем Он является. Он исцеляет. Он есть мудрость. Он - милосердие. Но Он также и гнев. Он - Судья. Он - Воин. Он - Законодатель. Таким образом, сведение Бога только к одному атрибуту (какой бы из них ни был выбран) и отказ от остальных даёт нам очень неполное и ограниченное понимание Его природы, что может иметь глубокие последствия для нашего представления о том, Кто такой Бог и какими должны быть наши отношения с Ним.

Точно так же, как основой всех отношений по завету всегда был **хесэд**, нам, верующим в **Йешуа**, это помогло увидеть, что мы спасены НЕ просто одним его атрибутом - благодатью, а скорее грандиозностью Божьего **хесэд** со всеми его атрибутами и компонентами. Почему я это говорю? Потому что благодать - это всего лишь один из нескольких компонентов **хесэд**, благодать может быть само важной, как двигатель у автомобиля, но это не весь автомобиль. Благодать, как мы её узко определяем, предлагает лишь часть общей божественной концепции **хесэд** и, следовательно, того, что стоит за нашими спасительными отношениями со Христом и способом их обретения. И когда мы, наконец, сможем осознать это, тогда мы увидим, что независимо от эпохи и независимо от того, какой Завет мы исследуем, **хесэд** является и всегда был основой отношений между верующим и Богом. И почему это так? Потому что Бог никогда не меняется.

Но наше более глубокое понимание **хесэд** как главного библейского принципа также помогает возродить и подчеркнуть почти исчезнувшую предпосылку внутри церкви о том, что мы, последователи Мессии, обязались перед Богом (а не только Он перед нами), когда впервые подписали искупающий нас завет, запечатанный в словах Мессии Его Кровью. И это обязательство, которое полностью заключено в концепции **хесэд**, включает в себя обязанности и послушание Богу и Его заповедям, а не просто наше молчаливое признание нашего желания таких отношений.

Как ясно и прямо говорится в тексте Священного Писания Нового Завета из прошлого урока, который исходит из уст самого нашего Спасителя:

Матфея 7:21: «Не всякий, говорящий мне: «Господь, Господь!» войдёт в Царство Небесное, а только делающие то, чего желает мой небесный Отец».

«Исполняющий» - это слово действия. Слово «исполнять» выходит за рамки пассивной веры или обещания и говорит об обязательстве от Бога к нам и от нас к Богу. И в качестве ещё одного доказательства взаимной природы **хесэд**, а также обязанностей, которые мы берём на себя, когда вступаем в завет с Богом, который формирует и определяет основу наших отношений со Христом, у нас есть слова биологического сводного брата **Йешуа**, который вырос в том же доме, что и **Йешуа**, и, должно быть, очень часто слышал эти слова:

Иакова 2:14-17: «Что в этом хорошего, братья мои, если кто-то хвалится верой, но не делает того, что подтвердило бы его веру? Способна ли такая «вера» спасти его? Допустим, у какого-либо брата или сестры нет одежды и дневного пропитания, и кто-нибудь скажет им: «Шалóm! Береги себя: одевайся теплее, питайся лучше!», но при этом не даст того, в чём они нуждаются, поступает ли он хорошо? Итак, вера, которая не сопровождается делами, мертва».

Итак, в нашей истории в 15-й главе 2-й книги Царств помазанный царь Израиля предлагает иноземцу-язычнику Еффеею **хесэд**, даже если Еффей решит не жить вместе с помазанным царём и его израильскими последователями. Почему? Потому что, несмотря на то, что узы завета сильны, последователь царя не робот и не теряет своей свободной воли и возможности отречься от завета и пойти за другим лидером. Еффей, по своей свободной воле, решает продолжать следовать за своим еврейским царём до самой смерти, если потребуется. **Хесэд** предполагает взаимность, Давид предложил **хесэд** Еффаю, и поэтому Еффай отвечает **хесэд** по отношению к Давиду. Надеюсь, что всё это рисует в вашем воображении тень и образец отношений верующего с Богом через Мессию и всегда присутствующего искушения

отпасть и последовать за другим популярным лидером, которое будет особенно актуально, когда появится антихрист. Но по мере продолжения нашей истории это станет ещё интереснее.

В стихе 23 говорится о скорбной процессии сторонников Давида, пересекающей долину Кедрон и направляющейся к дороге в пустыню. Почти все переводы имеют разные вариации перевода этого текста, но некоторые древние рукописи, написанные на других языках, а также современное научное переосмысление масоретских текстов на иврите дают нам некоторое просветляющее представление. Похоже, что в масоретских текстах есть несколько незначительных ошибок переписчика, касающихся описания точного маршрута, по которому эта скорбящая процессия прошла через Масличную гору. Дошедшие до нас копии на иврите, очевидно, написаны с ошибками, так что (будь то еврейский или христианский) учёный должен попытаться выяснить, что означают слова с ошибками, потому что, переведённые так, как они написаны, они представляют собой тарабарщину. И новое понимание, взятое из некоторых старых рукописей, представляет этот стих примерно в таком виде: «...Однако царь остался стоять в долине Кедрон, в то время как вся армия прошла перед ним по дороге Диких оливковых деревьев в пустыню».

Другими словами, в контексте упоминания армии Еффея речь идёт о группе иностранных наёмников, возглавляемых язычником Еффеем, и маршрут, по которому они пересекли Масличную гору, был определённым путём, который был известен местным жителям как путь диких оливковых деревьев. В этом нет ничего потрясающего, Масличная гора огромна, и поэтому существовало несколько маршрутов для её пересечения в зависимости от того, в каком направлении по компасу вы намеревались отправиться в Иерусалим и из него. Различным путям были даны неофициальные названия. Теперь это вряд ли кажется важным изменением стандартного перевода этого стиха, за исключением тех случаев, когда мы вспоминаем довольно загадочное высказывание апостола Павла, которое включает в себя аналогичную идею, и я думаю, что именно эту хорошо известную среди евреев его времени историю (историю о бегстве Давида из Иерусалима) и о, вероятно, всё ещё существующем пути через Елеонскую гору во времена Павла, известном как Путь диких оливковых деревьев, Павел использовал как понятную и простую иллюстрацию того, как иностранцы-язычники могут стать участниками спасительного завета Израиля с Богом Израиля, не переставая быть язычниками. Позвольте мне указать, что в Библии (как и везде) цель аналогии или иллюстрации состоит в том, чтобы использовать общепринятую вещь, чтобы помочь объяснить то, что, возможно, труднее понять (например, использование примера автомобиля при объяснении понятия хесэд).

Римлянам 11:16-24: «Далее, если х́ала, приносимая в качестве первого плода, свята, то [свята] и вся булка. И если корень свят, то и ветви [святы]. Но если некоторые из ветвей отломились, а ты - дикая маслина - был привит посреди них и стал наравне с ними пользоваться богатством корня маслины, то не хвались, словно ты лучше [остальных] ветвей! Однако, если хвалишься, помни, что не ты поддерживаешь корень, а корень поддерживает тебя. Тогда ты скажешь: «Ветви отломились, чтобы я привился». Правильно, но что дальше? Они отломились из-за недостатка доверия [Богу]. Но ведь ты держишься только благодаря своему доверию [Богу]. Потому не будь заносчив; наоборот, бойся! Ведь если Бог не пожалел природные ветви, то, конечно же, не пожалеет и тебя! Потому приглядишься повнимательней к Божьей доброте и строгости: с одной стороны, строгости по отношению к отломившимся, но, с другой стороны, Божьей доброте по отношению к тебе - если только сам ты хранишь себя в этой доброте! Иначе и ты будешь отсечён! Более того, оставшиеся [ветви], если не станут упорствовать в недостатке доверия [Богу], будут привиты обратно; поскольку Бог в силах привить их обратно. Ибо если ты был отрезан от дикой по природе маслины и привит, вопреки природе, к культивированной маслине, насколько же проще эти природные ветви привьются обратно к своей собственной маслине!».

Здесь мы имеем метафорическую связь, проводимую Павлом между дикими оливковыми деревьями и язычниками, которая, я думаю, может быть основана на общеизвестной истории о тропе диких олив, по которой Еффей (иностранец-язычник) добровольно пошёл, чтобы поддерживать свои отношения с Давидом (помазанником Божьим), который был тенью и прообразом Мессии. И Божий принцип, который это раскрывает, заключается в том, что наш духовный хесэд по отношению к Иегове и Его помазанному царю, и, следовательно, предшествовавший ему хесэд Бога по отношению к нам, не означает, что человек должен изменить свою физическую и национальную земную идентичность, чтобы получить его. Язычник может доверять Богу Израиля, и может верно следовать за помазанным царём Израиля, и может стать частью спасительного завета Израиля с помощью Божьего хесэд и всего остального, не будучи физическим евреем или став натурализованным израильтянином. Еффей сделал это, его люди сделали это, и те из нас, кто являются язычниками, могут это сделать, и если мы уже верующие, то мы это сделали. Давайте двигаться дальше.

Стих 24 даёт нам дразнящую информацию: внезапно появился первосвященник Садок, за которым следовала процессия левитов, несущих на плечах ковчег завета. Левиты поставили ковчег на землю и подождали, пока все люди, которые шли с Давидом, пройдут мимо, пересекая долину Кедрон. Хотя прямо об этом не говорится, я подозреваю, что установка ковчега была

задумана как имитация того дня, когда несколькими столетиями ранее левиты отнесли ковчег к центру русла реки Иордан, когда Израиль впервые вступил в землю обетованную (во главе с Иисусом Навиным) и подождали, пока все люди перейдут её, а затем подняли его и продолжили путь. Что делает это дразнящим, так это то, что мы видим, что 2-й первосвященник, Авиафар, также вовлечён в это.

До того, как Давид стал царём, Авиафар был первосвященником. Но, судя по всему, он был незаконным первосвященником. Он был поставлен царём Саулом, но не это делало его незаконным, дело в том, что он был потомком Илия, который происходил из рода Ифамара. Но линия Ифамара не должна была быть линией первосвященников, первосвященники должны были происходить от Елеазара.

Очевидно, что в какой-то момент Давид осознал эту проблему и назначил первосвященником Садока, но при этом он не сместил Авиафара. Садок действительно происходил из законной линии первосвященников Елеазара. Но, как мы видели, Давид стал непревзойдённым политиком и легко и свободно играл с заповедями Торы, и поэтому он решил, что среди его подданных будет меньше разногласий, если просто добавить Садока, но не заменять Авиафара, так что в результате к этому времени у Израиля было два первосвященника (царь Соломон исправит эту странную ситуацию несколько лет спустя).

Давид сказал Садоку и Авиафару, что ковчег не должен сопровождать процессию в пустыню, что они должны вернуть его на место упокоения в Иерусалим. Для этого было две причины: 1-я заключается в том, что Давид хотел иметь верных Садока, Авиафара и двух их сыновей (следующих в очереди на пост первосвященника) в Иерусалиме, чтобы они держали в курсе новостей Давида, находящегося в изгнании. Во-вторых, Давид полагал, что если Бог в Своей воле низложил Давида, то Давид не имел права на присутствие ковчега. Ковчег был создан на благо Израиля. Следовательно, ковчег был нужен новому царю Авессалому, как ключевой элемент его правления над Израилем.

После того, как вопрос с ковчегом завета был решён, плачущая процессия продолжила подниматься по дороге Диких оливковых деревьев к вершине Елеонской горы, Давид и весь народ были с покрытыми головами и шли босиком. Это был стандартный знак раскаяния и признания того, что происходящее было Божьим правосудием за совершённые прегрешения и что они приняли Божий суд. Но потом Давид получил новость, которая снова опустошила его: его доверенный советник Ахитофел вошёл в число тех, кто составлял заговор против Давида (напомню, что Ахитофел - дед Вирсавии). Давид инстинктивно прокричал быструю молитву небесам: **«Господи [Боже**

мой!] разрушь совет Ахитофёла». Другими словами, Давид умолял Бога превратить некогда выдающийся и мудрый совет Ахитофела, когда он будет использован Авессаломом, в плохой совет.

Когда Давид достиг вершины Елеонской горы, там его встретил Хусий архитянин. Очевидно, на вершине Елеонской горы существовало какое-то официальное место поклонения, как и в ряде других мест по всему Израилю. Хотя в данный момент главное святилище, по-видимому, находилось в Гаваоне, оно, по-видимому, не имело большого веса. Любой человек высокого положения создавал свой собственный алтарь и свой собственный центр поклонения Иегове, и археологические находки последних лет подтверждают, что частные центры поклонения и алтари были возведены по всей земле обетованной.

Этот Хусий был очень старым человеком и назывался другом Давида. Он тоже горевал и каялся, одежда была порвана, а голова и плечи покрыты грязью, когда Давид увидел его. Но Давид сказал ему, что было бы лучше, если бы Хусий остался во дворце, потому что: а) его пожилой возраст сделал бы само его присутствие бременем для Давида, которому нужно было быстро двигаться, чтобы избежать опасности, и б) Хусий мог быть полезен Давиду в качестве шпиона внутри администрации Авессалома. Давид говорит ему, что он не будет одинок в этом начинании, что Садок и Авиафар тоже останутся там с ним. План состоял в том, что Хусий будет передавать информацию двум первосвященникам, которые передадут её своим двум сыновьям, которые в свою очередь передадут её Давиду.

Давайте перейдём к главе 16.

ПРОЧИТАЙТЕ всю 16-ю ГЛАВУ 2-й КНИГИ ЦАРСТВ.

Сегодня я только подготовлю почву для этой главы, и мы углубимся в неё при следующей встрече.

Это ещё одно место, где было бы лучше не делать разделения между главами, последний стих главы 15 просто перетекает непосредственно в 1-й стих главы 16.

Таким образом, глава 16 начинается с того, что процессия, сопровождающая Давида, всё ещё находится на Елеонской горе и идёт по тому же пути. Покидая Иерусалим, Давид встречает целую вереницу людей.

Он встретил Еффея, верного нееврейского лидера отряда из 600 вооружённых людей. Он также встретился с Садоком и Авиафаром, первосвященниками, и отправил их (вместе с ковчегом) обратно в город в качестве информаторов. Затем анонимный человек рассказал Давиду о предательстве Ахитофела, и за этим немедленно последовала встреча с верным Хусием, который согласился

быть шпионом Давида при царском дворе Авессалома. Давид, несомненно, ожидает встретить больше лояльных ему людей, которые собирались поддержать его по пути из города, но удивляется, когда Сива, слуга Мемфивосфея, подходит к Давиду с необходимыми припасами и подарками, которые могли понадобиться ему в изгнания. Учитывая чрезвычайное положение и катастрофические события, Давид ожидал, что даже хромой Мемфивосфей, с которым он обошёлся **хесэд**, придёт сам, вместо того чтобы посылать слугу.

Давид забрал Мемфивосфея из укрытия в Трансиордании, где тот находился в страхе, и благополучно доставил его в свой дворец, гарантировал ему безопасность и процветание, удовлетворил все его потребности и даже передал ему значительное имущество Саула, так что для Мемфивосфея было бы естественным теперь прийти к Давиду во времена его нужды. Вместо этого перед ним стоит Сива, управляющий поместьем язычник, вооружённый клеветнической историей о Мемфивосфее.

Мы продолжим в следующий раз.